Р.Г.Пихоя,
доктор исторических наук, профессор

ЦЕЛИ И ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Споры о роли СССР в войне

60-летний юбилей разгрома германского фашизма стал поводом для начала в Европе и мире идеологической кампании, преследующей цель пересмотреть роль СССР в разгроме вооруженных сил фашистской Германии.

Причины этого понятны. Тегеранско-Ялтинская конструкция мира, сформировавшаяся к концу Отечественной войны, была разрушена поражением СССР в войне холодной. Хельсинкские соглашения 1975 г., предполагавшие нерушимость границ, перестали действовать. На территории Восточной и Центральной Европы образовались новые государства, радикально изменились политические режимы в странах, прежде входивших в СЭВ и участвовавших в Варшавском договоре. Политическая реальностьбыла такова, что существенной частью формирующейся государственной идеологии этих государств стала переоценка причин и итогов войны.

Можно утверждать: мы столкнулись с беспрецедентной по своим масштабам попыткой отнять у России — наследницы Советского Союза -право быть победителем или, как минимум, обесценить роль нашей страны в победе во Второй мировой войне. Более того, влиятельные политические силы в странах Запада пытаются возложить на Советский Союз и Германию равную ответственность за начало войны, а победа интерпретируется как продолжение Советским Союзом оккупации иными средствами, как замена фашистского режима на советский тоталитарный.

Не стихают утверждения, в том числе и в отечественной историографии, что СССР готовился напасть на Германию, и гитлеровская агрессия — не более чем превентивная мера.

Можно утверждать, что в ближайшие десятилетия подобные тенденции будут только усиливаться. Существенно и то, что споры о характере и последствиях войны давно перешагнули академические пороги и приобрели актуальное политическое измерение. Так, дискуссии о пакте Риббентропа — Молотова на Съезде народных депутатов СССР и Верховном Совете СССР стали частью подготовки к выходу из СССР Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, а претензии к Рос-

сии как наследнице СССР переросли в попытки ряда стран требовать у нашей страны компенсаций за оккупацию.

Таким образом, необходимость в новом научном осмыслении характера Второй мировой и Великой Отечественной войн приобретает для отечественной историографии не только собственно научный, но и очевидный политический смысл.

Почему был заключен пакт Риббентропа — Молотова

Ключевым звеном в такой интерпретации истории войны стал договор о ненападении Германии и СССР и секретные протоколы к этому договору, подписанные 23 августа 1939 г. Напомню предысторию появления этого документа. В условиях постоянно возраставшей угрозы новой войны, развала Версальской системы устройства мира, нараставшего военного потенциала нацистской Германии руководство СССР пыталось обзавестись союзниками в составе так называемого Восточного пакта. Советский Союз был готов, вместе с Францией и Англией, защитить Чехословакию осенью 1938 г. То, что заявление СССР не было пустыми словами, свидетельствовали серьезные военные приготовления, которые стали проводиться с лета 1938 г. в Киевском особом военном округе. Однако неожиданные соглашения Англии, Франции и Италии с гитлеровской Германией 29 сентября 1938 г. не только выдали Чехословакию Германии, но и серьезно подорвали доверие советского руководства к возможности совместных действий против вероятной германской агрессии.

Новый затяжной тур переговоров между Францией, Англией и СССР о возможности заключения советско-англо-французского пакта о взаимной помощи наткнулся не только на подозрительность и недоверие несостоявшихся союзников, но и на техническую невозможность непосредственного участия Красной Армии в совместных военных действиях, так как СССР не имел общей границы с Германией. Польское руководство категорически и последовательно отказалось от участия в системе коллективных усилий по обеспечению безопасности в Европе.

Польша была связана с Германией договором о ненападении, заключенным в 1934 г. В ходе переговоров, которые польский министр иностранных дел Ю.Бек вел в январе 1939 г. в Берлине с Гитлером и Риббентропом, стороны заверяли друг друга в необходимости союза Германии и Польши против России. «Германия, — заверял Гитлер, — будет заинтересована в сохранении сильной независимой Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной Рос-

сии, Германия всегда будет относиться к этой стране с предельной осторожностью, и поэтому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя...». Ему вторил Ю.Бек: «Господин Бек, — записал чиновник германского МИДа, — не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».

Фашистская Германия допустила Польшу к разделу Чехословакии в марте 1939 г., когда она заняла часть территории Чехословакии — Тешинскую Силезию и небольшие области на севере Словакии.

Весну и лето 1939 г. переговоры СССР с Англией и Францией проходили по такой формуле: СССР настаивал на гарантиях прохода своих войск через территорию Польши, эти требования последовательно отклонялись польским руководством. В ходе этих переговоров требования к Англии и Франции как потенциальным союзникам были повышены. От них требовали гарантий непосредственного участия в военных действиях против возможного агрессора — Германии, настаивали, чтобы Англия и Франция оказали нажим на Польшу и Румынию с тем, чтобы советские войска в случае возникновения конфликта могли воспользоваться их территорией, был даже изменен тон дипломатической переписки. Гораздо сильнее стали звучать призывы включить в систему взаимной безопасности не только Польшу и Румынию, но и страны Прибалтики и Финляндию.

Однако в Кремле нарастало недоверие в возможности трехстороннего соглашения. Польское правительство последовательно отказывалась участвовать во франко-советско-британском альянсе. Гитлер дал знать, что готов и дальше рассматривать ряд территорий Словакии как объект торга с Польшей. Сохранялось подозрение, что потенциальные союзники — Англия и Франция — вновь заключат с Гитлером новое соглашение по образцу мюнхенского и оставят СССР один на один с явно усиливавшейся Германией, имевшей в качестве стратегического союзника Японию, не скрывавшую своих претензий к территории советского Дальнего Востока.

Основания для таких подозрений подогревались тем фактом, что английская дипломатия параллельно с переговорами с СССР об антигерманском пакте вела в Берлине в июле — августе 1939 г. консультации о возможности заключения англо-германского соглашения, включающего, по словам Х.Вильсона — главного советника правительства Великобритании по вопросам промышленности, «отказ от нападения на третьи державы», что «начисто освободило бы британское правительство от принятых ими на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т.д...» Однако

обращение Х.Вильсона было воспринято в высшем руководстве Германии «как дальнейшее свидетельство слабости Англии», а министр иностранных дел Риббентроп был убежден, что «в случае германо-польской войны Англия не выступит на стороне Польши».

Разочарование в невозможности заключения действенного соглашения с Англией и Францией, подозрения, что СССР может стать объектом сделки по образу и подобию Мюнхенской, подтолкнул советское руководство к переговорам с Германией. 3 августа 1939 г. нарком иностранных дел В.М.Молотов услышал от германского посла в Москве Ф.Шуленбурга официальное заявление, что «Германия намерена уважать интересы СССР в Балтийском море и не имеет намерений, противоречащих СССР в Балтийских странах. ...Что касается германской позиции в отношении Польши, то Германия не намерена предпринимать что-либо, противоречащее интересам СССР».

23 августа 1939 г. состоялось подписание договора о ненападении между Германией и СССР и секретных протоколов к нему (пакта Риббентропа — Молотова), означавших раздел сфер влияния этих стран в Европе и предусматривавших четвертый раздел Польши и ликвидацию польской государственности.

Оценивая этот пакт, следует, по моему мнению, иметь в виду, что он:

– отражал реалии тогдашней расстановки политических сил в Европе, атмосферу, приемы, мораль тогдашней европейской политики, и в этом смысле он не лучше и не хуже заключенного годом раньше Мюнхенского соглашения;

– преследовал цель укрепления международного положения и безопасности СССР;

– отводил на несколько лет угрозу заключения военно-политического блока, способного начать боевые действия против Советского Союза.

– был и остается, несмотря на все идеологические оценки и политические осуждения, частью сегодняшней политической реальности, определяя границы Литвы, Польши, Молдавии, Румынии, Финляндии;

– восходил к концепции распространения советского влияния на все территории, прежде входившие в Российскую империю.

Среди *негативных последствий Пакта* отмечу следующие:

– несомненно, что заключение пакта Риббентропа — Молотова развязало руки Германии для нападения на Польшу к началу Второй мировой войны;

– участие в ликвидации славянского государства — Польши, несправедливое отождествление позиций польского руководства и польской государственности стало, по сути, стратегическим просче-

том Сталина. Оно привело к приближению границ Германии к СССР, что, в конечном счете, ослабило западные рубежи обороны страны и создало на многие десятилетия вперед проблемы в отношениях нашей страны и Польши.

– присоединение прибалтийских государств, как выяснилось позже, не укрепило обороноспособности Советского Союза, породило новые проблемы, как в ходе войны, так и многими десятилетиями позже;

Геополитические приоритеты страны были сформулированы советской внешней политикой уже в 1939 г. Они оставались практически неизменными многие десятилетия. Замечу, что практически полностью они были воспроизведены и в безрезультатных переговорах с Англией и Францией в первой половине 1939 г., и в пакте с Германией, и в договорах, достигнутых в Тегеране и Ялте в ходе соглашений «большой тройки», и в советской политике 50 — 70-х гг. XX в.

Важнейший вопрос — проблема ответственности за такое развитие европейской политики в 1939 г. Выскажу личное мнение: она была слишком прагматичной, эгоистичной, замешанной на недоверии к партнерам и противникам (с легкостью менявшихся местами). В этом смысле народы Европы стали жертвами этой политики.

Кто напал первым?

Вопрос, кажущийся чудовищным, вновь стали задавать в зарубежной и отечественной историографии. Возродились положения, впервые провозглашенные еще Гитлером в его декларации от 22 июня 1941 г., утверждавшим, что СССР сам был готов внезапно напасть на Германию.

Последние десять — пятнадцать лет эти утверждения пытаются подкрепить ссылками на недавно выявленные документы. Остановлюсь на ключевых в этой системе доказательствах. Считаю необходимым отмести спекуляции по поводу так называемого протокола заседания Политбюро от 19 августа 1939 г., обнаруженного в фондах 2-го бюро французской разведки[1]. Внимательный анализ этого документа свидетельствует о том, что это фальшивка, изготовленная германской разведкой и запущенная во Франции с единственной целью: оправдать будущую германскую агрессию против СССР. Доказательствами для такого утверждения служит, прежде всего, тот бесспорный факт, что 19 апреля 1939 г. попросту не было заседания Политбюро, как не было и никаких совещаний, где бы Сталин мог вы-

[1] См.: *Бушуева Т.* «...Проклиная – попробуйте понять...» // Новый мир. 1992. № 12. С. 232 – 233.

ступить с заявлением о будущей политике по отношению Германии. Я уже не говорю об абсолютном несоответствии оформления содержания этого текста правилам, принятым в делопроизводстве Политбюро.

Нельзя считать доказательством превентивных планов нападения на Германию «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», разработанные Генштабом Красной Армии и представленные Сталину в мае 1941 г. Этот документ, вызвавший взрыв обвинений в агрессивных умыслах Советского Союза[1], — не более чем штабная разработка, проект, кстати, не получивший одобрения и не утвержденный Сталиным. Следует признать, что к лету 1941 г. Красная Армия не была в сколько-нибудь достаточной степени готова к ведению боевых действий. Финская война ясно указала политическому и военному руководству страны на хроническую нехватку командного состава, низкое качество обучения войск, отсутствие обученных танкистов.

О каких агрессивных, наступательных планах Советского Союза можно говорить, когда в Прибалтийском военном округе командиры танковых дивизий 9 июня 1941 г. сообщали, что дивизии обеспечены горюче-смазочными материалами на 6%, автобензином — на 2%? Начальник штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенант М.А.Пуркаев писал начальнику Генштаба Красной Армии Г.К.Жукову 19 мая 1941 г.: «...выполнение плана завоза вооружения и боевой техники по плану снабжения КОВО в 1941 г. до настоящего времени идет крайне медленно. По целому ряду предметов вооружения и боевой техники за истекшие 5 месяцев до 1.5.41 г. не завезено даже половины запланированного к завозу в первой половине 1941 г. планом вооружения войск КОВО в 1941 г.». К лету 1941 г. Красная Армия не была в сколько-нибудь достаточной степени готова к ведению боевых действий.

Понимание реальной слабости, неготовности армии к войне вынуждала Сталина цепляться за пакт Риббентропа — Молотова, стремиться избегать любых возможных провокаций. Полагаю, что именно этим объясняется кажущееся странным стремление Сталина игнорировать данные разведки о готовившемся нападении Германии на СССР. 13 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков обратились к Сталину с предложением о приведении войск приграничных округов в боевую готовность. Сталин уклонился от ответа: «Подумаем». На следующий день Тимошенко и Жуков вновь настаивали на приведении войск в

[1] См.: *Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Другая война. М., 1996. С. 136 – 155.

полную боевую готовность. На этот раз Сталин раздраженно возразил: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и придвинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!» Более того, 13 июня было подготовлено, а 14-го опубликовано знаменитое «Сообщение ТАСС», излагавшее официальную точку зрения на состояние советско-германских отношений.

Нападение Германии на СССР в корне изменило характер Второй мировой войны для нашей страны. Оно было неспровоцированным.

Понятия «жертва» и «агрессор» в этой войне определились навсегда.

Идеологическая война

Вторая мировая и Великая Отечественная войны стали первыми в истории подлинно идеологическими войнами, когда каждый из воюющих блоков оправдывал свое участие в ней не только традиционными лозунгами защиты Отечества, национальных ценностей (хотя этот компонент, безусловно, был важным), но и более общими идеологическими представлениями. Можно утверждать, что идеологическая война продолжилась и после окончания боевых действий и капитуляции вооруженных сил Германии.

Для фашистского блока это, по словам А.Гитлера, «обеспечение безопасности Европы и следовательно, защита всего европейского континента» перед лицом «иудейско-англосаксонских поджигателей войны... а также евреев из московского большевистского центра»[1], реализация планов национал-социалистов «вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. ...Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, — писал Гитлер, — конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Советский лидер И.Сталин, выступая с докладом на торжественном заседании в Москве 6 ноября 1944 г., так объяснял позицию СССР в войне: «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу. ...Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содру-

[1] 1941 год: Документы. Книга 2. М., 1998. С. 437.

жество трудящихся всех наций нашей страны... Теперь, — продолжал Сталин, — когда Отечественная война идет к победоносному концу, во всем величии встает историческая роль советского народа. Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества».

Идеологом третьего подхода, отражавшего точку зрения Великобритании и в значительной степени США был У.Черчилль Уже 22 июня 1941 г., он, выступая по радио, заявлял: «...Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает».

Он же, после окончания войны, в 1946 г., выступая в Фултоне, провозглашал ценности, которые, по его утверждению, отстаивались в войне: «Люди любой страны должны иметь конституционные права, свободные выборы, с секретным избирательным бюллетенем, чтобы выбирать или изменить характер или форму правительства, которое ими правит; это свобода слова и мысли, это суды, независимые от исполнителя, несмещаемые любой стороной, которые должны управлять законами, которые получили широкое согласие большинства или освящены традициями. Свобода должна быть в каждом доме. Вот сообщение Британских и Американских народов к Человечеству».

Война отчеканила, придала законченную форму многим идеологемам, которые пережили непосредственные поводы для своего появления, воплотившись в рассуждения о фатальном противостоянии цивилизаций и культурно-исторических типах развития, как у Хантингтона, в утверждении особой миссии «сообщения британских и американских народов к Человечеству», ставших частью так называемой третьей корзины Хельсинкского соглашения 1975 г., в утверждениях об «империи зла» Р.Рейгана, в призывы к контролю над территориями в геополитических построениях З.Бжезинского, в рассуждениях о «братском содружестве трудящихся всех наций нашей страны» вне реального исторического контекста трагических событий войны, в расширении влияния идей нацизма с присущими ему расовыми теориями, в том числе и в нашем Отечестве.

Идеологические «дрожжи» середины XX в. бродят и в начале века нынешнего.

Потери в войне и цена человека

Одной из трагических граней характера войны для наших граждан стало утверждение о ничтожности человеческой жизни по отношению к громадности и важности победы. «Мы за ценой не постоим». Цена — человек. Страшны даже не масштабы потерь. Я не собираюсь рассуждать об обоснованности и необоснованности потерь, талантах или бесталанности «отцов-командиров». Я о другом. Мы не знаем ни численности, ни тем более имен всех погибших.

Сразу же замечу: я не собираюсь называть число погибших. К сожалению, идущее от 1960-х гг. определение — более 20 млн погибших — не намного более точное, чем те подсчеты, которые были произведены на рубеже 1980 — 1990-х гг. и к которым (подсчетам) и я имел некоторое косвенное отношение. Главное, и для меня бесспорное, что не была налажена система учета потерь, убитых и пленных. Я не хочу останавливаться на том, какие конкретные причины влияли на то, «показывали» или «не показывали» потери. Просто констатирую: может быть, путем тонких статистико-демографических методов удастся более или менее точно реконструировать количество погибших. Но вот восстановить имена, фамилии, обстоятельства гибели за Родину миллионов людей, боюсь, уже не удастся никогда. Поэтому нет страны, где бы памятник Неизвестному солдату был более уместен, чем в России.

Святой долг государства и общества гарантировать сохранение памяти о погибших за Отечество. Может вызывать раздражение, с какой настойчивостью американцы разыскивают своих граждан, поляки — списки погибших в Катыни, японцы — сведения о своих пленных. Но также было и в России! Во времена Куликовской битвы имена всех погибших были записаны в Синодик, в XVII в. «полоняничные деньги» — деньги на выкуп пленных русских воинов — были обязательным налогом; память погибших в течение столетий отмечали возведением храмов.

Эта традиция оказалась разорванной в XX в. Отечественная война — это еще и печальный невыученный урок отношения к памяти, который вдруг проявился во всей своей актуальности в ходе событий в Чечне в декабре 1994 — январе 1995 гг., когда появилась печальная 124-я лаборатория по опознанию погибших.

Причины войны сохраняются всегда. Угроза войны — та печальная реальность, которую нельзя отвести разговорами о «разрядке», «новом мышлении». Война может идти и идет различными способами, но природа войны — стремление к контролю над территорией, ресурсами, сознанием людей — неизменна.

Пожалуй, эти соображения определяют не только исторический, но и актуальный политический контекст анализа событий 60-летней давности.

СТАТЬИ